

УДК 81'22

МОЛЧАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2012 г.

Д.Б. Мухаметов

Южный федеральный университет

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 10.09.2012

Молчание – значимый компонент русской культуры и литературы. В статье дана характеристика многоаспектного характера молчания, определяется его специфика как лингвистического явления, рассматриваются особенности изображения данного феномена в художественном произведении.

Ключевые слова: коммуникативно значимое молчание, пауза, тишина, литературное произведение.

В современной действительности, для которой характерно активное развитие различных сфер общественной жизни, проблемы коммуникации и общения становятся особенно актуальными и значимыми. Однако описание речевой деятельности человека будет неполным без характеристики молчания, значимого феномена русской культуры. Известно, что в русской культуре умение молчать ценилось не меньше, чем способность вести разговор. Ярким примером могут служить пословицы и поговорки, выражающие народную мудрость: «Слово – серебро, молчание – золото»; «Кто молчит, тот двух научит»; «Молчанкой никого не обидишь». «Молчание – факт речевой культуры, считается с которым приходится всякому, кто имеет отношение к самой этой культуре. Молчание вездесуще и неигнорируемо. Существуют неговорящие члены общества, но не существует таких, которые бы никогда не молчали. Можно сказать поэтому, что в известном смысле молчание доминирует над словом и довлеет слову: оно очевидно и – в этой очевидности – не менее парадоксально, чем слово» [1, с. 4].

Речевая деятельность человека, его языковое сознание, познавательные способности, а также вербальная и невербальная коммуникации стали предметом изучения в антропоцентрической и когнитивно-дискурсивной научных парадигмах. Не остался без внимания и феномен молчания, ставший предметом исследования в лингвистике и литературоведении, психологии и аналитической философии, культурологии и исследова-

нии религий. Однако изучение молчания в рамках той или иной области научного знания не было системным, носило фрагментарный характер, что препятствовало выработке единых критериев для создания теории молчания.

В отечественной лингвистике исследования, посвященные различным аспектам молчания, стали появляться в начале 1990-х годов в русле коммуникативного подхода к языку [2–8], что объясняется общей тенденцией в языкознании: выходом за рамки собственно лингвистических объектов изучения, в том числе интересом к паралингвистике и невербальным средствам коммуникации.

Смыслы молчания рассматриваются не только в лингвистике и психологии, но и в религиозных и философских учениях. Однако среди ученых нет единства в вопросе о первичности или вторичности молчания по отношению к речи. Религиозные и эзотерические учения (в большинстве своем) называют молчание изначальным состоянием бытия, началом всех начал. «Неизреченное» «выступает здесь как первоначальное состояние Бытия, как характеристика мира в его потенциальности и непроявленности, как безмолвие творческого Духа, который лишь во второе мгновение порождает Слово – сына Божьего, Логос. Бог в его самостийности и изначальности, потенциальности и самодостаточности сам есть молчание, то богатое следствиями молчание, из которого рождаются все вещи и все разговоры» [9, с. 23]. Молчание здесь понимается Великим Небытием, которое пребывает в спокойствии, а слово (как любой акт, действие) разрушает спокойствие и гармонию.

Слово представляет собой основу дифференцированного мира, оно присваивает имена различным предметам, определяет отношения,

¹ **Финансирование**

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.В37.21.0095 «Когнитивные исследования национальной концептосферы: язык, текст, культура».

Funding

The study was supported by The Ministry of education and science of Russia, project № 14.В37.21.0095.

именует то, что реально существует, и то, чего нет в реальности, слово для каждого важного элемента действительности находит номинацию. Слово всегда связано с конкретной формой, с некой единицей, молчание же выражает невыделенную и неразделенную сущность, без количества, начала и конца. Все вышло из молчания, и все в него вернется.

«Разговоры, болтовня, диалогичность – прерогатива повседневности, обыденности, поверхностного внешнего существования, в то время как молчание обращает нас к сущности, к незримому основанию всех вещей» [9, с. 23]. Поэтому молчание часто сопровождает познающее сознание, дает несловесную основу для постижения бытия.

Язык (не речь) по своей сути не служит только подбору знаков для вещей. По мнению В.В. Бибикина, язык осуществляет селекцию между речью и молчанием. «Он начинается с выбора говорить или не говорить. Выбор между молчанием и знаком раньше, чем выбор между знаком и знаком. Слово может быть менее говорящим, чем молчание и нуждается в обеспечении этим последним. Молчание – необходимый фон слова. Человеческой речи в отличие от голосов животных могло не быть» [10, с. 28–29]. Ученый также считает, что выбор между молчанием и речью принадлежит к первой и последней свободе человека.

Человеческая речь – это удобный инструмент, который с минимальными потерями передает информацию. Словесная форма общения удобна только потому, что она позволяет адекватно передавать и принимать информацию «в связи с отсутствием у человека стабильного надежного аппарата не только «улавливать состояния других людей», но и давать им однозначную интерпретацию» [11, с. 55]. В данном случае речь похожа на своеобразный мост, без которого невозможно обойтись, но, с другой стороны, речь является и препятствием, т.к. не все может быть выражено вербально. Кроме того, в некоторых ситуациях молчание человека является весомее слов. Оно также более удобно для обозначения истины, чем слово, потому что словами подчас невозможно выразить границы сущности. Молчание «лучше отвечает неопределенности мира. Человек – единственное в живой природе говорящее существо, он же и первое молчащее существо. Человеческая речь была бы невозможна без исходного молчания» [10, с. 32]. Такой точки зрения придерживаются и некоторые лингвисты, считающие изначальными действия и молчание. Речь в этом смысле производна от них и вторична, она – результат

означивания действия и молчания [4–5]. Такова одна точка зрения, согласно которой молчание первично по отношению к речи.

Другие исследователи утверждают противоположное: речь первична, молчание имеет смысл только на ее фоне. Так, немецкий философ Мартин Хайдеггер называет в качестве второй сущностной возможности речи молчание (первой является слушание). «Молчать не значит быть немым. Тот, кто по своей природе мало говорит, не показывает, что молчит и умеет молчать. Кто никогда ничего не говорит, в нужный момент не способен молчать. Только в подлинной речи возможно настоящее молчание» [12, с. 28]. Но смыслы молчания не ограничиваются религиозным или онтологическим прочтением. Большую значимость молчание имеет в диалоге, человеческой коммуникации, где каждый случай отсутствия вербального ответа может повлиять на ситуацию общения.

Н.Д. Арутюнова называет молчание «отрицательным феноменом», исходя еще и из того, что значение глагола *молчать* толкуется через отрицательную форму наиболее общего и неспецифичного по коммуникативной цели глагола *говорить*. В словаре Д.Н. Ушакова *молчать* обозначает «ничего не говорить, не произносить никаких звуков голосом, безмолвствовать» [13, с. 252]. Такое толкование свидетельствует о том, что сущность молчания формируется на фоне прагматики говорения. Таким образом, «замолчать может не только говорящий, заговорить – не только молчавший. Молчанию предшествует говорение, говорение же необязательно предваряет молчание» [8, с. 106].

Эту точку зрения поддерживает и М.Н. Эпштейн, который считает, что феномен молчания получает свою тематическую полноту только в разговоре. «Если бы не было разговора, не было бы и молчания – не о чем было бы молчать. Разговор не просто отрицается или прекращается молчанием – он по-новому продолжается в молчании, он создает возможность молчания, обозначает то, о чем молчат» [14, с. 179].

Однако подобные взгляды на проблему не являются противоречащими друг другу, т.к. необходимо различать подход философско-онтологический, в котором молчание является символом «НИЧТО», «ПРЕДБЫТИЯ», и коммуникативный подход, в котором молчание – знак стоящего за ним содержания, которое адекватно понимается только в диалоге.

Религиозный дискурс по-своему использует молчание. С наибольшей силой молчание отразилось в учении молчаливников, исихазме. Отказ

от пустой болтовни и разглагольствований, осмысление истинного слова внутри себя, созерцательная молитва – это пути, которыми познается Бог. «Между словами и Словом лежит молчание... Молчание... это чуткое, напряженное слушание Слова – тайного, сокровенного, но явленного тому, кто счастлив быть посвященным, приобщенным к Тайне» [15, с. 70]. Пути Бога открываются только тем, кто проводит время в молчаливой молитве. Молчание здесь – это то, что сопутствует сознанию познающему и ищущему. «Молчание – особое состояние духа, отрешившегося от земного начала для того, чтобы услышать голос Истины и, трудно пережив в себе человека несовершенного, отказаться от этого тягостного несовершенства» [15, с. 73]. С религиозной точки зрения в жизни человека всегда должно быть место молчанию. Именно в эти моменты плодотворного молчания человек способен услышать истинное, сокровенное Слово Бога.

В данном исследовании молчание анализируется с позиций коммуникативного подхода, одной из проблемных областей которого является изучение функционирования молчания в русской культуре, а также разграничение его видов.

В.В. Богданов различает коммуникативно значимое и коммуникативно незначимое молчание: коммуникативно незначимое молчание – это один из видов физиологического состояния человека (например, молчание во время сна, в состоянии покоя и т.п.). Такое молчание значимо только в поведенческом отношении, но не в коммуникативном [4, с. 12–13]. Однако вызывает сомнение подобная номинация: можно ли вообще называть молчанием любое неговoreние человека? Молчаливое поведение индивида в процессе выполнения каких-либо действий в реалиях русской жизни – это норма поведения, отклонение от которой (например, постоянное говорение) расценивается как необычное психическое или физиологическое состояние.

Коммуникативно значимое молчание В.В. Богданов делит на несколько типов. «Первый тип такого молчания обусловлен универсальным законом речевого общения, заключающимся в том, что в диалоге роли говорящего и адресата выполняются обоими коммуникантами попеременно. Смена ролей означает, что в некоторый отрезок времени правом слова располагает один коммуникант, в то время как другой ожидает своей очереди... Этому периоду ожидания обычно соответствует молчание» [5, с. 22]. Однако и в данном случае необходимо сделать замечание: молчаливое состояние одного из

собеседников во время говорения другого нельзя называть одним из видов коммуникативно значимого молчания. Такое молчание не имеет знакового характера. Диалог – это перемежающаяся форма общения, партнеры по коммуникации не могут говорить одновременно. Если же говорить о том, что молчанием один из собеседников показывает, что слушает, то такое молчание лучше называть не коммуникативно значимым, а коммуникативно указывающим.

Молчание первого типа ученый называет «молчанием адресата» или «молчанием слушания». Второй тип коммуникативно значимого молчания обозначен как «молчание говорящего» или «молчание вместо говорения», т.к. «в данном случае молчит тот, кому надлежит говорить по правилу смены ролей. Такое молчание расценивается адресатом как нулевой заместитель вербальной реакции и интерпретируется в зависимости от конкретной ситуации, конкретного смысла и иллокутивной функции предыдущего высказывания или текста» [5, с. 22]. Этот тип коммуникативно значимого молчания является наиболее бесспорным, его дефиниция не вызывает сомнения. Необходимо также отметить, что в роли промолчавшего собеседника может оказаться как адресант, так и адресат. К данному типу молчания следует отнести и случаи использования в литературном произведении знаков препинания как способа выражения молчания (например, многоточия, восклицательные и вопросительные знаки, а также их сочетания в романе А. Белого «Петербург»).

Третий тип молчания связан с синтаксическим построением текста и выражается в эллипсисе. В.В. Богданов сразу же делает оговорку: «Собственно, эллипсис – это не столько молчание, сколько произнесение (т.е. пропуск) синтаксически избыточного компонента» [5, с. 23]. Чтобы исключить терминологическую путаницу, для характеристики данного явления лучше использовать устоявшийся в стилистике термин «умолчание».

Русское коммуникативно значимое молчание должно отвечать ряду условий, важных в семиотическом плане. Молчание «будет коммуникативно значимым, если посредством его может быть передана некоторая информация от отправителя к получателю и расшифрована последним на основе знания контекста, ситуации, пресуппозиции и всех прочих обстоятельств, при которых происходит процесс общения» [6, с. 93]. Молчание будет иметь знаковый характер, во-первых, если отправитель использует его намеренно и осознанно, во-вторых, если

получатель знает о целенаправленном характере молчания, в-третьих, если партнеры по коммуникации обладают общим знанием «относительно значения молчания» [3, с. 90].

Таким образом, коммуникативное молчание – это сложная коммуникативная знаковая единица, допускающая большое количество интерпретаций, которые ограничиваются ситуацией и контекстом общения, выражающая различные смыслы.

Говоря о молчании, ученые пытаются очертить круг сходных с ним явлений. В экстенционал молчания включают паузу и тишину. «К. Циммерманн различает тишину, паузу и молчание. Тишина и пауза квалифицируются как молчание коммуникативно незначимое. Тишина – это отсутствие шума, звука как такового, что имеет место, например, при исполнении каких-либо ритуальных действий. Пауза – это только задержка начала речевого акта, но не его отмена и, тем более, не его замена; такое молчание не имеет коммуникативной значимости, а представляет скорее физиологический акт или момент умственной деятельности... Молчание как знак взаимодействия имеет место в том случае, когда не актуализируется определенный речевой акт, а коммуникативное намерение сохраняется» [6, с. 92]. Использование молчания как родового обозначения для паузы и тишины представляется нецелесообразным, т.к. каждое из названных явлений имеет собственную значимость и сферу использования.

Тишина – это феномен природы, который существовал еще до человека. «В русском языке отсутствие природных звуков и отсутствие человеческой речи обозначаются разными словами. При этом тишина ассоциируется с покоем и тихой печалью, молчание – с холодом, отчуждением, тревогой» [8, с. 114–115]. Итак, тишина – это характеристика беззвучного мира. Тишина не содержит в себе коммуникативного намерения, она не приспособлена для выражения какого-либо смысла, важного для общения. Молчание имеет субъекта, оно является действием, производимым кем-то, тишина же не имеет деятеля, она никем не создается.

Часто в русской культуре (еще уже – в литературе) тишина обозначает отсутствие шума повседневной жизни, что не означает полного беззвучия: исчезновение шума помогает услышать едва уловимое дыхание природы, например, в пейзажах И. Тургенева, лирических миниатюрах М. Пришвина и В. Солоухина.

В человеческом обществе тишина обозначает отсутствие речи, диалога, коммуникации. Когда заканчивается вербальное общение меж-

ду людьми, на смену речи приходит не молчание, а тишина.

Понятие тишины в произведениях русских писателей и поэтов нередко встречается в контексте мотива смерти. Контекстуальная близость двух понятий – «смерти» и «тишины» – позволила метафорически переносить качества одного из них при характеристике другого. (например, в «Детстве» Л. Толстого, в «Детях подземелья» В. Короленко). Именно поэтому существительное «тишина» приобретает атрибутивные признаки смерти, сочетаясь с прилагательными «мертвая», «гробовая», «могильная». Близость мотива «смерти» мотиву «тишины» уходит корнями в традиции и верования русского народа. Так, в доме, где находится покойник, не принято громко разговаривать, в память об умерших объявляют минуту молчания (а по сути – минуту тишины), на кладбищах царит тишина.

Кроме того, тишина – это одна из частых характеристик русского церковного, православного пространства. При этом тишина присутствует не только в конкретных церковных локусах, например, в храме или церкви, но и при традиционных обрядах, проходящих вне этого пространства. Тишина создает фон для общения с Богом, для духовного поиска: звуки, болтовня, разговоры отвлекают человека от истинных основ бытия.

Итак, необходимо отметить, что тишина – это самостоятельный феномен, имеющий собственную смысловую нагрузку и сферу использования. Тишина часто ассоциируется с молчанием, т.к. имеет некую семантическую общность – обозначает отсутствие звуков, однако тишина не имеет семиотического значения.

Другим невербальным феноменом, часто включаемым в состав молчания, является пауза. Паузы в речевой коммуникации играют значительную роль, они являются неотъемлемым компонентом любого диалога. Человек не способен говорить без остановок, к тому же словесное общение не предполагает бесконечного речевого потока. «Пауза – перерыв в речи, которому акустически обычно соответствует отсутствие звука, а физиологически – остановка в работе речевых органов» [16, с. 369]. Паузы в речи могут возникнуть по разным причинам (самые короткие возникают при произношении смычных согласных, самые длинные могут быть обусловлены коммуникативными целями, например, привлечение внимания слушателей).

Пауза отлична от молчания. Во-первых, пауза не представляет собой нереализованную речевую интенцию, пауза лишь на какое-то время

задерживает процесс речевого выражения. Она часто возникает вследствие мыслительной подготовки будущего высказывания, его обдумывания и окончательного формулирования для дальнейшего озвучивания. Во-вторых, паузы, возникшие в общении, сопровождаются нефонологическими вокальными элементами, которые тем или иным образом свидетельствуют о процессе обдумывания и в то же время указывают, что процесс общения будет продолжен, а собеседник лишь пытается найти адекватный способ выражения. В-третьих, коммуникативно значимое молчание имеет семиотический характер, пауза может иметь коммуникативную значимость, но она не семиотична по содержанию. Пауза – это компонент выражения, молчание – компонент содержания.

Наиболее частыми контекстами использования пауз в речи являются ситуации размышлений над ответом, который требует долгих раздумий и не может быть дан сразу. Задержка в речевом выражении может возникнуть тогда, когда говорящий намерен высказать некое предположение, которое обладает высокой информативностью и низкой предсказуемостью в данном контексте общения. Говорящий может использовать паузу, желая привлечь внимание слушателей к своим словам, интонационно выделить что-то важное, придать речи особую значимость, заинтересовать собеседника. Кроме того, в русском диалогическом пространстве пауза выполняет функцию маркера, знаменующего переход от одной темы разговора к другой; может обозначать манеру говорить, а также быть выразителем различных эмоций.

Своеобразное отражение феномен молчания находит в русской литературе, которая является частью культуры. В рамках художественного текста молчание, как правило, представлено в диалогическом фрагменте. Диалогический фрагмент текста, в структуру которого включено молчание, – это модель естественной диалогической ситуации, представляющей сам процесс общения и различные его параметры. Однако молчание в диалоге является не только элементом структуры коммуникации с постоянной сменой ролей участников общения, но и наполненной различным смыслом составляющей, расширяющей объем содержания коммуникации. Подобное расширение становится возможным благодаря тому, что диалогический фрагмент текста функционирует в рамках художественного произведения. Диалог художественного произведения не воспроизводит дословно естественный диалог, он (в соответствии с законами художественного целого) пере-

осмысливает процесс коммуникации, диалог художественного произведения не копирует речевое взаимодействие, а творчески его преломляет. Эти особенности влияют и на молчание, которое является компонентом диалогического фрагмента: с одной стороны, молчание проецируется из естественной коммуникации, с другой стороны, молчание представляет собой компонент вымышленного общения, созданного автором и представляющего «фикциональную» действительность как художественное явление. Расширенное толкование молчания способствует изображению мира персонажей во всей многомерности существования. Такая возможность появляется у читателя благодаря разным средствам представления молчания в графическом пространстве художественного текста, что позволяет автору включить воспринимающее сознание читателя в осмысление диалогического общения персонажей и сделать его таким образом «внетекстовым» участником текстовой коммуникации.

Персонажи литературных произведений проявляют себя не только в условиях речевого взаимодействия (например, в сюжетных ситуациях диалога-дискуссии в романах Ф. Достоевского, И. Гончарова), но также в рамках невербального поведения, особенности фиксации которого определяют особенности художественной системы, например, Тургенева-прозаика. Здесь молчание выполняет различные функции: изобразительную, психологическую (характерологическую), оценочную. Речь и молчание в художественных произведениях – это строительные элементы художественной реальности, создающие эффект достоверности излагаемых событий. Речь персонажей, их молчание, жесты, мимика «оживляют» героев, придают им характер не созданных автором типов, а вид «реально существующих людей». Изображение молчания в литературном произведении также служит средством создания психологизма. Молчание часто «овеществляет чувства», (например, в рассказе Ф. Достоевского «Кроткая») разные по спектру эмоциональности, поэтому в рамках художественного произведения оно имеет большую коммуникативную нагрузку, нежели в естественной коммуникации. То, что сказано персонажем, является значимым для понимания, но не меньшей важностью обладает то, что не было сказано, что оказалось скрытым за молчанием. Молчание выступает как своеобразный ориентир, помогающий читателю понять и осмыслить психологический контекст и подтекст литературного произведения, когда общение с уровня

«персонаж–персонаж» переходит на уровень «персонаж–читатель».

Итак, молчание является важным компонентом русской речевой культуры. Общение человека не состоит из постоянного и непрерывного говорения, говорение обязательно соседствует с молчанием, которое проявляется в различных сферах человеческого бытия.

Появившееся в диалоге молчание, как правило, вызывает отклик со стороны собеседника, оно неизбежно подвергается толкованию, т.к. в общении не должно быть смысловых лакун. Однако вербальное «необозначение» своей позиции может привести к различному истолкованию факта молчания, в том числе к искажению, фальсификации смыслов, заложенных в нем.

Молчание в диалоге способно быть выразителем большого количества разнообразных смыслов и оттенков, являться символом гармонии или, наоборот, несогласия. В зависимости от конкретных условий протекания речевого общения молчание может означать существенные для коммуникации смыслы, например, нежелание говорить на определенную тему или продолжать общение с определенным собеседником, незнание ответа на вопрос или намеренное сокрытие актуальной информации. Иногда молчание обозначает стратегию поведения или свидетельствует об особенностях характера человека, его косноязычии и неспособности последовательно выражать мысли, о сильных психологических потрясениях и переживаниях или о душевной умиротворенности, ощущении тщетности слов перед духовной и физической красотой мира.

Список литературы

1. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens. СПб.: Рус. христиан. гуман. ин-т, 1998. 352 с.
2. Почепцов Г.Г. Молчание как речевой акт // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Вып. 252. М., 1985. С. 43–52.
3. Почепцов Г.Г. Молчание как знак // Анализ знаковых систем: История логики и методологии науки. Киев, 1986. С. 90–91.
4. Богданов В.В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин, 1986. С. 12–18.
5. Богданов В.В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 18–25.
6. Крестинский С.В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 92–98.
7. Крестинский С.В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: Сб. науч. тр. Тверь: ТвГУ, 1993. С. 59–67.
8. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 106–117.
9. Золотухина-Аболина Е.В. Смысл молчания // Научная мысль Кавказа. 2000. № 3. С. 22–27.
10. Бибихин В.В. Язык философии. М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2002. 416 с.
11. Полянский А.Н. Формы и функции неизреченного в текстах художественной литературы // Филологические науки. 1990. № 2. С. 54–62.
12. Хайдеггер М. Бытие и время // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 1–45.
13. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.2. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. 520 с.
14. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 559 с.
15. Александрова И.Б. Слово о молчании // Русская речь. 2005. №4. С. 70–75.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

SILENCE AS A COMPONENT OF RUSSIAN CULTURE

D.B. Mukhametov

The article considers silence as a significant component of Russian culture and literature. Silence is defined as a linguistic phenomenon and its nature is analysed from different aspects. Some peculiarities of its functioning in works of literature are considered.

Keywords: communicative silence, pause, calmness, work of literature.